

Хлеборобы войны

24 года назад в поисках героев своих военных книг я зашла в Малокуналейский сельский народный музей. Меня встретил директор музея Георгий Фёдорович Фомин, заслуженный работник культуры Бурятии. Он и посоветовал встретиться с героинями тыла – женщинами трактористками и комбайнёрами. Но – всё по порядку.

С овальных керамических фотографий музея смотрели на посетителей солдаты Великой Отечественной. С другого стенда – глаза в глаза – глядят на них сегодняшние ветераны, ровесники погибших... Рядом с ними – портретная галерея женщин-механизаторов военной поры. Слова: «Они на тракторах ковали в тылу победу над врагом». Всматриваюсь в незнакомые простые, открытые русские лица. Это — вдовы солдат. Или их жены.

«Рядовые тыла» — так называют солдат хлебного фронта. Он и был фронт. Это хорошо понимали хлеборобы тех лет. Разве случайно до сих пор учётные документы на элеваторах называют не квитанциями и ведомостями, а строевыми списками... Спросите любого тыловика о войне, и он вспомнит крошечные, с ноготь, хлебные карточки, на каждой из которых памятка: «При утере не возобновляется». Суровая мера, продиктованная войной. Война была и в том, что у каждого продовольственного магазина стояли плотные, молчаливые, длинные очереди.

У малокуналейцев были свои защитники там, на западе, и здесь в тылу. На крутом изломе истории на женские плечи лёг труд сродни солдатскому.

«Суп из ботвы брюквы с мукой: ботва брюквы – 190 г., мука – 3, лук – 5, соль – 5, жиры – 5, специи – 0,03 г.». Это рецепт из книги, изданной в Ленинграде в 1942 году. Блокадный город доедал последний хлеб, посеянный ещё до войны.

И чтобы из рецепта «Суп из ботвы брюквы...» не вычеркнули – «мука – 3 грамма», чтобы в пайке хлеба, кроме повилицы, жмыха, было хоть одно размолотое зерно, чтобы солдаты шли в бой, а рабочие к станку, надо было женщинам и молоденьким девчонкам сесть на разбитые тракторы и пахать, сеять, жать, молотить, ремонтировать и снова пахать.

«Девушки, женщины-колхозницы! К вам обращаем своё слово мы, 50 девушек-колхозниц, пришедших на курсы трактористок и комбайнёрок. Мы решили как можно скорее овладеть техникой, чтобы в любую минуту заменить наших отцов и братьев, которые должны будут пересесть на танки, бронемашину. Мы призываем вас, девушки: идите учиться, садитесь за руль стального коня, становитесь к штурвалу степного корабля!».

Из письма курсанток-трактористок и комбайнёрок Бурят-Монголии.

ИЮЛЬ 1941 ГОДА

...В тот день я постучала в первый дом, который мне назвали, и через полчаса за столом уже сидели подружки, соседки, трактористки и комбайнёрки сороковых годов Анфея Георгиевна Эпова, Валентина Михеевна Семенникова, Елена Георгиевна Некипелова, Графида Николаевна Семенникова и Марфа Ивановна Паргачевская.

Женщины вели неторопливую речь о всеобщей беде, о жизни в лихую годину, о «похоронках», что приходили тогда во многие избы малокуналейцев. О тракторах и комбайнах, которые они до сих пор «наизусть знают». И о работе, работе, работе...

«Всякое было – и падали, и подымали нас. Где попашешь, где поплачешь. На то война. Им на фронте ещё труднее было. Нас хоть не бомбили. А кормить солдат и детей кому-то надо было. Вот нам и досталось», – внешне сдержанные, с достоинством русских крестьянок рассказывали они о времени и о себе.

Я записала их рассказы почти слово в слово.

Анфея Георгиевна Эпова:

– ... А что про молодость нашу рассказывать? Её у нас не было – другим досталась. Хотя молодыми были. Я рождения двадцать второго года. Образование три класса да курсы комбайнёров. Училась механизаторскому делу в Селенгинской МТС в войну, три месяца двадцать дней. В сорок первом села за штурвал. Начинала на «Коммунаре», потом на «Сталинце». У этого захват хегера больше – шесть метров десять сантиметров против четырёх. Комбайны прицепные были, не самоходные, на тракторной тяге. Косили больше напрямую. Хлеб богатый уродился, высокий, как стена. Но засорённый. Того и гляди – барабан забьётся. Бригадиром у нас был Иван Андреевич Беляев, первый тракторист. Добрым словом его поминаем.

Проработала я на комбайне десять лет. И после войны прихватила. Мужиков многих поубивало, весь цвет выгорел. Работали мы – на часы не глядели. Да и часов не было, не то что на руках, но и в домах тоже. Дак мы по зорьке... По заре ходили в поле и с поля. А то ещё по Кичигам: звёздочки такие, вот так три в ряд (созвездие Орион – **Н.К.**). А морошно – так того и гляди придёшь в поле в час или в два ночи. Но чтоб опоздать – этого не было. Большой порядок был в работе. И ответственность. Горючее сильно берегли. За экономию премировали нас. За перерасход высчитывали полную стоимость. Заправлялись только в борозде, чтоб туда-сюда трактор не гонять. Эдак не было, как сейчас: днями гудит техника под окном. На обед на тракторах, на машинах. А мы пешком и в поле, и с поля. Одна лошадь на всех была – у водовоза. Да ещё у бригадира.

Работали посменно, через сутки, по двадцать четыре часа. Отработаешь смену, пока комбайн сдашь, всё подтянешь, то да сё – глядишь, уж полдень. Пешочком до Куналея. Дома тоже дела были – и снова на смену. Обедали в вагончике, в будке. А весной и осенью в поле живмя жили.

Опыта поначалу не было у нас. Вот и приключались с нами разные приключения. Случалось, рукояткой руки выворачивало. Раз Елену Некипелову – вот она сидит – так ударило, она и говорит: «Пойдём, лучше утонем. Упадём в Хилок и утонем. Нет сил больше». Пошли мы с ней, помылись, поплакали – и дальше работать. В частушках про наши мытарства много поётся:

Рукоятка та тяжёла,

Нету моченьки у нас.

Слёзы лилися ручьями

У девчоночек из глаз.

И со мной тоже были случаи. Я работать начала прицепщицей с Чалышевой Марией. Она тринадцать лет на тракторе отработала. Вот первый раз в ночь выехала с ней. Темно – глаз коли. Парнишка впереди трактора с фонарём идёт, с «летучей мышью», дорогу показывает, а мне тут сзади, как в погребе, темно. И то ли уснула на плуге, то ли что, только вдруг почудилось – волк бежит за нами, вот-вот схватит. Волков в ту пору много было. Перепугалась я: «Волк, – кричу, – волк!». Бригадир подбежал и говорит: «Эх, прицепщица ты прицепщица, это плуг подымается, а тебе волк приснился. Иди на будку. Варя чаю тебе сварит, отдохни малость».

Всякое было. И тифом болела, вся семья стриженная была. И недоедали. Голод, конечно, не тётка, да народ изобретательный. Повилицу ели, лебеду, крапиву, корешки разные, а из свёклы дак кисель делали. Всё пережили.

Теперь внуки растут. Мне мой внучек Саша говорит: «Баба, расскажи, где что у комбайна». Я и посеючас всё помню, где какой поршень, где что. Что вчера было – забыла, а это всё в голове цело.

За работу в войну значок отличника соцсоревнования получила. За хорошую работу нас премировали: 300 га выжнешь – 25 пудов хлеба получишь, 180 га – 10 пудов. Этот хлеб по сей день снится. Недавно вот медаль вручили. За войну.

Мы от людей не отгораживаемся. Не весь тот свет, что в окошке. И когда подписка идёт в Фонд мира, мы, пенсионеры, тоже не в стороне, а даже первые. Потому что знаем, какая она, война, хоть и не воевали. На памятник на Поклонной горе в Москве часть своей пенсии отчислили, только чтоб та война последняя была.

Графида Николаевна Семенникова:

– Меня тоже с прицепщиц поставили на трактора. Молодые были, неопытные, работали и на СТЗ и на НАТИ. Нас много комбайнёрок и трактористок в Куналее: Анфея Галушина, Нина Хлызова, Нина Каурова, Руфина Некипелова, Ксения Некипелова, Ефросинья Фалилеева, Мария Некипелова, Клавдия Протасова, Александра Самокрутова, Фелия Плюсина, Валентина Смолина, Лукерья Малкова и другие.

Которые уехали, но их немного. Большинство тут дома и живёт. Соберёмся и те годы обязательно вспомняем. Поглядишь, бывало, на поля – подступиться боязно. Ни конца, ни краю. Но глаза страшатся – руки делают. Смены круглосуточные были. Выходных в войну не знали. Зимой, правда, два дня в полмесяца давали. А главное, – трактора плохие были. Да и мы не сильно

грамотные. Кабин не было, никакого стеклышка перед тобой, и железные сиденья под тобой. Сидишь весь в пыли, одни зубы да белки белые. Ещё как-то живём. А вот замуж не все вышли, да и дети не у всех. Здоровье оставляли там. Трактора ломались часто – до края поля не доедешь, что-нибудь отклепается. Стартёров и пускачей в помине не было. Рукояткой заводили. Силёнок не хватало. Одна рукоятку крутит, точнее сказать, держится за неё, а двое-трое с двух сторон верёвкой попеременно эту рукоятку тянут на себя. А случись, на раннем зажигании начнёшь заводить, рукояткой тебя назад хлещет. Или на скорости – и трактор сам на тебя едет. Ночью при фонаре пахали. И как не запахали никого! Запчасти сильно берегли. Да и мало их было.

Мы сами молодые были, а прицепщики и вовсе ребяташки. Война всех затронула. Кто осиротел, кого с ученья жизнь сняла раньше времени и на эти же поля вместе с матерями да с сёстрами отправила. Дети колоски собирали, на сенокосе работали, хлеб подрабатывали. А которые учились, днём, сидя за партой, засыпали.

Валентина Михеевна Семенникова:

– Я из них самая молодая. Мне 20 лет исполнилось только к концу войны. Окончила семилетку, а тут война. Семья большая, восемь детей, пенсию раньше старики не получали. Проучилась я на курсах при Малокуналейской МТС, и меня в Кукун отправили. В сорок первом села на свой ХТЗ. У него колёса с металлическими шипами. Десять лет проработала трактористкой. После войны была звеньевой на сахарной свекле. Вспоминается сейчас, конечно, многое, но и забылось кое-что. А вот уж перетяжки век не забудешь. Валы-то эллипсные были, сношенные. Мотор не дюжит, да и подшипники того и гляди расплавишь. Вот перетяжку и делали. Спрашиваете, как?

Ложишься на спину под трактор. Добро, если сухо. Масло сольёшь. Теперь картер снимаешь. Он чугунный, килограммов тридцать будет. Отвёртываешь болты, а чтоб тебя не придавило, коленки подставишь. Потом расшплинтовываешь, подшипники проверяешь, люфт пробуешь. Выбросишь прокладки или добавишь, как надо. Опять зашплинтовываешь, масло по тебе — и по рукам, и по лицу. Не девчонка — форменный мазурик. Ладно, если до вечера попашешь. А то, гляди, опять надо перетягивать.

Магнето, ключи берегли пуще глаз. Что греха таить, друг от дружки прятали. Иначе станешь. Заправлялись горючим в поле. Мерка такая была – 62 килограмма. Этой меркой и заправлялись. Трубочкой подсасывали. Бензин шибко тяжёлый. Керосин слаще, мягче он. За радиатором следили, худые они были, протекали. Так мы бочку воды с собой на тракторе возили, чтоб доливать и мотор не погубить.

А зимой ремонтировали технику, на току работали, на молотилках. Все больше в ночную смену. Всю войну хлеб на токах зимой ночью молотили. Молотилку обслуживали 32 человека. Она от трактора работала, через шлифт. Намолачивали 35 тонн в сутки. Пыль столбом, грохот, один вязку на снопах режет, другой на верх снопы подаёт, третий в барабан подправляет,

на соломе — другие люди. Спину разогнуть некогда. Тут надо расторопным быть, чтоб машина вхолостую не работала и чтоб самому туда не попасть. А медлительные, те ящики с зерном таскали. Мешков, тары то есть, не было. Ящиками и отгружали зерно от молотилки.

Я и обозы водила на элеватор в Улан-Удэ и в Заготзерно, в Харлун и в Петровский. Дадут тебе четыре коня, на каждом короб трёхцентнеровый. Мешков опять же не было. Нагрузишь эти ящики. На четвёртом коне сено везёшь своим коням и общий овес. Вот так пять человек по четыре коня и составляли обоз. Первый хлеб везёшь — красный обоз называется, потому что радость это для хлебороба. И флаг дадут.

Труд наш, комбайнёров, трактористов, ценили. Одно сказать, мы каждый месяц зарплату получали — не трудодни. Остальным колхозникам оплачивали только в конце года. Нам и хлеб давали — полкило на сутки, а иногда даже килограмм коммерческого хлеба на смену. Раз в месяц ещё мыло получали. А то стирали щёлоком, отстоем берёзового пепла, он грязь отъедает. Да стирать-то сильно нечего было. В юбках холщовых, из мешковины сшитых, ходили. Но не стыдились убогой одежды, главное, чтоб душа не заржавела.

Нелли Коробенкова